

ТЕАТР ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Беседа с главным режиссером Ленинградского тюза, заслуженным деятелем искусств РСФСР **З. КОРОГОДСКИМ**.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Зиновий Яковлевич, давайте в Год ребенка поговорим не об успехах детских театров (что всем известно), а о том, что болит. Какие проблемы есть в вашем деле? В чем нуждаются детские театры? Судя по работе вашего театра, по вашим выступлениям в печати, вы погружены в проблему «театр и дети», поэтому вам и карты в руки...

Предлагаю начать разговор с репертуара. В афише Ленинградского тюза — пьесы М. Ромина, В. Погодина, В. Тендрякова, В. Аграновского, А. Курбатникова, Н. Слепановой. Начата работа над пьесами А. Соколовой и Я. Гордина...

КОРОГОДСКИЙ. ...и тем не менее постоянно не хватает пьес, особенно для подростков. Ощущаем острый дефицит... Я дружен со многими писателями, драматургами. Нередко слышу от них: «Вот пьесу написал новую...» И тут же добавляют: «Но не для тебя». Не для меня, то есть не для детского театра!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как будто Шекспир писал для детского театра! У вас в афише «Комедия ошибок» и «Гамлет». Эти спектакли живут годы, идут с большим успехом. Чем вы объясняете предпочтения, отдаваемое драматургами взрослому театру?

КОРОГОДСКИЙ. Для взрослого театра писать надежнее: будешь быстрее замечен, выше оценен и т. д. Театр для детей еще недостаточно престижен!

Все мы очень любим детей, и, стало быть, все для них должно быть лучшим и главным. Но обратите внимание хотя бы на такую частности: какое место в городских сводных афишах Москвы и Ленинграда отведено детскому театру? Почти последнее. Моя мечта, чтобы с тюзов начинались городские театральные афиши, чтобы взрослые и дети сразу видели, какой спектакль идет именно в этом театре — первом по своему «особому назначению».

У нас в Ленинграде хорошее здание, которое, правда, уже требует реконструкции. Растут наши запросы! Будь моя воля, я создал бы вообще несколько площадок для зрителей разного возраста, но под одной крышей. Однако это особый, отдельный разговор. Я не о своем театре, нам грех жаловаться. В Туле, например, сооружен театр — чудо техники. Но он — для взрослых. Тюз мается буквально в сарае. Во Владивостоке, Красноярске, Орле, Вологде недавно построены прекрасные театры для взрослых, а детские обойдены. Между тем есть тонкая зависимость уровня искусства от условий, в которых оно создается. Когда мы говорим, что детей надо прельстить театром, — это прежде всего заворочить своим искусством. Но условия тоже играют не последнюю роль в приобщении к прекрасному.

Как-то я услышал такой диалог в метро. Объявили: «Следующая станция: Театр юных зрителей». Один мужчина спросил впереди стоящего: «Вы выходите у тюза?» В ответ: «А вы что, в тюз собирались, не выросли еще?» Пассажиры зашумели, кто-то даже возмущился... Я вышел и, как продолжился начатый спор, не слышал. Думаю, что сегодня, когда охрана детства — закон конституции, нужны меры, которые помогли бы поднять ранг детского театра, а с ним и престиж. От этого зависит уровень творческих достижений и, кстати, уровень самооценки тех, кто творит для детей.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Зато у вас такой благодарный зритель!

КОРОГОДСКИЙ. Потенциально наш зритель талантлив и отзывчив, но это надо обнаружить и «дать этому дышать». Дети — трудные зрители. Служить им (а не обслуживать) нелегко. Каждый, кто работает в детском театре, должен мыслить как педагог, а чувствовать как художник. Согласитесь, нелегкая обязанность! Кроме того, есть еще одна серьезная проблема — как сохранить критерии оценки в общении с маленькими зрителями, которые «всеядны», искренне радуются всему, что им предлагает театр.

Особенно труден подростковый возраст. Эти ребята, как правило, оказываются на спектакле не по собственной воле, не по личному выбору, а потому, что — «культпоход». Даже не всегда знают, что предстоит им увидеть: у входа детей считают по головам, а билеты им раздают в зале. Посидят эти подростки в театральных креслах, а свидание с театром не состоится, так как не возникает подлинно живого общения «от сердца к сердцу». Оно может быть нарушено многими: реакцией «лидера», который всегда есть в подростковой группе, оглядкой на то, как реагируют «все» — стыдно быть «не как все»... От этой творческой зависимости от зрителей детские театры страдают.

Поэтому, наверное, тюзовские актеры, даже не признаваясь подчас себе в этом, ждут,

когда фортуна распорядится так, что их пригласят на «взрослую» сцену. Они бросают детский театр при первой возможности и без оглядки.

Исключения, конечно, есть, но они редки. Вот бы послушать, что думают по этому поводу Б. Чирков, А. Шуранова, Н. Дробышева, О. Волкова (список можно продолжить)!

Если бы случилось так, что Алисе Фрейндлих или Иннокентию Смоктуновскому (сознательно называя актеров, которые с симпатией относятся к нашему театру) надо было бы искать работу и я пригласил бы их к нам, представляю: все вокруг, наверное, восприняли бы это как кощунство. Таким актерам предлагать тюз?

Поэтому не удивительно, что у многих актеров, да и у режиссеров тюзов развивается этакий тюзовский комплекс неполноценности. У меня, например, вызывают недоумение и даже возмущение взрослые, которые сидят в вестибюле часами, ожидая своих детей. Когда я спрашиваю у иных пап и мам, почему они не с детьми, не в зале, они, не смущаясь, отвечают, что уже вышли из детского возраста.

Но если признать, что детские театры — театры, а их спектакли — произведения искусства, то возможны ли возрастные ограничения в адресе?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, вы считаете, что взрослые воспринимают тюз как нечто адаптированное, что не идет ни в какое сравнение со взрослым театром?

КОРОГОДСКИЙ. Ну, не так однозначно. Думаю, что большинство воспринимает тюз как театр, но ведомственный. Тюзы возникли под эгидой Наркомпроса, и хотя они давно уже в подчинении Министерства культуры — им все еще приходится доказывать свою принадлежность к искусству. Еще живет утилитарный подход к детскому театру. Между тем театр не может быть прямым спутником общеобразовательной школы или иллюстратором программы. Например, проходят в школе «Грозю» Островского, хорошо бы ее посмотреть в качестве пособия, изучают «Евгения Онегина» — надо, чтобы он был в репертуаре тюза... Ведомственность отделяет от искусства. Задачи, стоящие перед театром, шире и богаче, и решать их можно только искусством. Мы должны чувствовать и знать интересы и духовные потребности юных зрителей, и тех, кому 7, и тех, кому 17 лет.

Кто может взять на себя смелость в наш век научно-технической революции и информационного бума категорически утверждать, что можно и чего нельзя в детском театре? Почему «Опять двойка» Решетникова должна доставить больше наслаждения детям, чем «Мадонна» Рафаэля? «Чапаев» стал любимым детским фильмом, а он создавался без ориентации на детей. Кому адресованы «Лебединое озеро», «Спартак»? А гоголевский «Ревизор», не имеющий положительного героя, социально и нравственно обогащает больше, чем любая дозированная неправда с положительным учителем или хорошим родителем в центре.

...Думаю, что драматургов, которые могли бы писать для детей, отпугивает ведомственность, ограничения.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Зиновий Яковлевич, а каких именно писателей вы хотели бы привлечь работой для тюза?

КОРОГОДСКИЙ. Я мог бы назвать немало имен, чье

творчество не только может, но и должно быть адресовано юным: Федор Абрамов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов, Михаил Дудин, Юрий Трифонов.

С волнением вспоминаю повесть Даниила Гранина «Обратный билет», проникнутую доброй ностальгией по детству. Как всегда, с нетерпением ждем новых встреч с Сергеем Михалковым и Анатолием Алексиним. Нам обещает пьесу Игнатий Дворецкий. Его появление на сцене детских театров было значительным и, думаю, не безрадостным для автора. Впрочем, не буду из суеверия раскрывать наших планов...

Надеюсь, что откликнутся дорогие нам авторы. Похвастать победами пока не могу, а верить все-таки продолжаю. Писал же для детей великий Толстой!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что, на ваш взгляд, хотел бы видеть сегодня юный зритель в своем театре?

КОРОГОДСКИЙ. С детьми все щепетильнее: операция на сердце ребенка гонимые и, моему, требует большего мастерства от хирурга. Обращение театра к юным тоже ответственнее. Детям нужно искусство без скидок, но с пониманием возраста. Если мы не скажем детям того, что им нужно, боясь, «можно ли», то скажут другие — но хуже, грубее, не-кстати.

Уже в младшем возрасте зритель должен получать уроки гражданской зрелости, чтобы почувствовать боль и ответственность за все, что его окружает. Детям нужны острые, проблемные пьесы о школе, о семье, классика и современные произведения, документальные спектакли, спектакли-диспуты и многое-многое другое.

Некогда возникло убеждение, что подростку подавай один лишь занимательный сюжет, внешнюю динамику, зрелищность. Это не так! Мы уже не раз убеждались, что подросток за внешней подвижностью, моторностью бережно охраняет, скрывает нежность, задумчивость, желание быть лучше, добрее, справедливее. Я понимаю, почему «Муму» Тургенева — одна из любимых книг подростков. И на спектакле они хотели бы погрузиться, и помечтать, и остаться один на один с героями. А. М. Горький говорил, что с детьми нужно говорить забавно. Это вовсе не означает — легко, весело. Можно и нужно говорить забавно — но о серьезном и, конечно, по-особому, как может только искусство. Любимый жанр подростка — поэтические иносказательные спектакли, в которых странно и чудесно переплетаются быль и небыль, явь и мечта, фантазия и реальность. Это может быть спектакль и о революции, и о войне. Но не впрямую, а как в притче, сказке, легенде. Чтобы можно было думать, мечтать и фантазировать. Любимая тема подростка — героика. Подвиг — заветное для юного человека. Но подвиг приходит с победой характера над обстоятельствами, которые могут быть совсем не героическими.

Театр должен помочь юному человеку стать добрым и сильным, но для этого его позиция по отношению к детству должна быть мужественной. Театр обязан говорить со своим зрителем честно, но всегда ли он может выйти на этот уровень разговора? Мне хотелось бы, чтобы об этом задумались все, кто ответственен за судьбы детей, а значит, и за судьбу недалекого завтрашнего дня.

Беседу вел **Г. СИЛИНА**